

Литература
с
географией

Борис Мягков

Булгаков на Патриарших

Литература с географией

Борис Мягков

Булгаков на Патриарших

«Алисторус»

2007

УДК 82-94
ББК 83.3

Мягков Б. С.

Булгаков на Патриарших / Б. С. Мягков — «Алисторус»,
2007 — (Литература с географией)

ISBN 978-5-9265-0429-0

Книга Бориса Мягкова (1938–2003), одного из первых исследователей творческого наследия Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940), посвящена адресам, связанным с биографией знаменитого писателя и его литературными героями. Написанная с элементами литературного детектива, она представляет собой своеобразный путеводитель не только по таинственным улицам и переулкам булгаковской Москвы, но и по страницам его произведений.

УДК 82-94
ББК 83.3

ISBN 978-5-9265-0429-0

© Мягков Б. С., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

«Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история...»	5
К читателю	7
Глава первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Борис Мягков

Булгаков на Патриарших

«Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история...»

Вместо предисловия

«...Я – историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!» Вы, дорогие читатели, узнали фразу «иностранца» Воланда, который «в час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах» начал «беседу» с маститым литератором Михаилом Александровичем Берлиозом и молодым популярным поэтом Иваном Николаевичем Бездомным. «Предмет ученой беседы» до сих пор волнует не только специалистов – археологов, лингвистов и филологов, изучающих найденные тексты «Евангелия от Иуды», могилу царя Ирода, многочисленные редакции «закатного романа» Михаила Афанасьевича Булгакова, но и всех читателей, влюбленных творчество «мистического писателя».

Он родился в Киеве – древней столице русского государства. Дружная семья профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны Булгаковых растила семерых детей: Михаил, Вера, Надежда, Варвара, Николай, Иван и Елена. В 1907 скоропостижно умер 49-летний отец. Пятнадцатилетний Михаил, талантливый импровизатор, артистически и музыкально одаренный юноша, мечтавший о сценическом будущем, после окончания Первой гимназии поступил на медицинский факультет Киевского университета. В апреле 1913 года он обвенчался с Татьяной Николаевной Лаппа. Вместе они скитались по военным дорогам Юго-Западного фронта, потом они оказались в Никольской больнице Сычевского уезда и в Вязме Смоленской губернии, где Михаил Булгаков служил земским врачом. Они пережили 10 переворотов в Киеве в доме № 13 на Андреевском спуске. Он был мобилизован в армию Деникина и воевал в Чечне. Первая публикация была в газете «Грозный» под заголовком «Грядущие перспективы». Автор в ноябре 1919 года не просто выражал надежду на победу «белых», но напоминал об историческом возмездии: о расплате «за безумие февральских, мартовских, октябрьских дней». Он хотел уйти с «белой гвардией», но заболел тифом и остался во Владикавказе с «красной» властью. Контуженный в сражениях, ослабевший после болезни, под угрозой расстрела ЧК, Булгаков начинает писать пьесы для местного театра. Он отсылал их на конкурсы в Москву, где в аппарате Наркомпроса работала его сестра Надежда Земская, с которой переписывался постоянно. Булгакову удалось получить за пьесу «Сыновья муллы» достаточный гонорар, чтобы вырваться из осажденного бандами Владикавказа и через Баку, Тбилиси, Сухуми, Батум (Батуми) и Одессу вернуться в Киев, а потом в Москву, куда уже приехала его верная Тася.

«Как часто в горестной разлуке в моей кочующей судьбе, Москва, я думал о тебе!» Так писал Пушкин, родившийся и женившийся в Москве. Но тридцатилетний Михаил Булгаков, уставший от «необыкновенных приключений доктора» и оставивший «диплом с отличием», выбрал в сентябре 1921 Москву «навсегда», чтобы «писать». Он бросил вызов Судьбе, принимая нищету, голод, унижение, безработицу, но уже в ноябре отвечал в Киев своей матери Варваре Михайловне: «В числе погибших быть не желаю».

Булгаков стал публиковаться в советской газетной и журнальной прессе и в берлинском издании «Накануне». Его «квартирный вопрос» решился лишь через 12,5 лет. За это время многое изменилось в России, в Москве и в судьбе писателя.

«Блестящий диагност» доктор Михаил Булгаков стал сатирическим и «мистическим писателем», свидетелем и очевидцем чудовищных превращений, описанных им в сотнях фельетонов и рассказов, повестей и пьес. Он изучил Москву так, что мог быть гидом. Он видел ее «в небоскребах», замечая всех: от гениальных профессоров и изобретателей до «Аннушки-чумы» и Клим Чугункина. Булгаков не льстит Москве, но внимательно наблюдает и помогает, как больному, перенесшему тяжелые операции на собственном мозге.

По всей Москве остались до сих пор «булгаковские адреса»: «Гудок», «МХАТ», Большой театр, друзья, родные, писатели. И теперь в той самой «нехорошей квартире» уже существует мемориальный музей, а на месте домкома в доме № 10 по Большой Садовой открыт «Булгаковский дом». Проводятся презентации книг, посвященных изучению творчества Михаила Булгакова, открываются выставки известных и новых художников, увлеченных художественным миром писателя, создаются экранизации произведений. Экскурсии по «Булгаковской Москве» давно стали приметой культурной жизни столицы.

Но среди тех, самых первых, прочитавших «Мастера и Маргариту» и отправившихся на поиски «подвала мастера», «особняка Маргариты», Варьете, клиники Стравинского, Дома Грибоедова, – был московский инженер-химик Борис Сергеевич Мягков (1938–2003). Краевед и библиограф, собиратель и хранитель, экскурсовод и лектор – подвижник, объехавший всю Россию по местам жизни Михаила Булгакова. Он стал истинным создателем и рыцарем «Булгаковской Москвы»: сотни лекций, публикаций, чертежи, карты, схемы, рукописи и фотографии. Он общался с известными булгаковедами и с юными читателями, с любителями и со специалистами. Он сам переписал 7 редакций «Мастера и Маргариты» и составил «Родословия Михаила Афанасиевича». Самое главное, что он, читатель, попавший «в таинственную сеть арбатских переулков», полюбил тайну творчества, которая привела его в «Булгаковскую Москву». Но, оказалось, что «в таинственную сеть» (вспомните Пушкина «Сказку о рыбаке и рыбке» – тот «невод, заброшенный в море») попала «золотая рыбка» художника Виктора Васильевича Прокофьева (1934–2006), который создал изумительные – совсем как живые! – образы персонажей закатного романа Булгакова «Мастер и Маргарита». И каждая глава книги, написанная Борисом Мягковым, вдохновленная романом Михаила Булгакова, – получила свое уникальное «звучание» в графических композициях художника. Мы увидим и Воланда, облаченного в хламиду и взирающего на «Москву 20-х годов», и Левия Матвея, несущего тело Иешуа на фоне московской фантазмагии «Дьяволиады», «Роковых яиц» и «Собачьего сердца». В полете Маргариты мы почувствуем тоску любви и отчаяния «Зойкиной квартиры», в а тайны «Тайного друга» и «Театрального романа» пронзительно отзовутся в лице писателя и его обугленной рукописи. Сумятица и неразбериха «арестов» в «нехорошей квартире» перекинется, как пламя пожара, на безумную погоню «за шайкой» поэта Ивана Бездомного. И веселье «сеанса магии» в Варьете обернется ужасом видения Геллы, который прервет спасительный крик петуха. И странные ассоциации возникнут у нас, когда в «клинике профессора Стравинского» очутится сам Иешуа, не желающий признаваться в том, что он великий врач. И вальс Штрауса охватил нас ужасом и восторгом при виде гостя на балу Сатаны...

И сейчас, погружаясь в гениальный текст произведений Михаила Булгакова, знайте, что Москва стала огромной сценой, где до сих пор происходят самые невероятные и реальные события. Спешите читать и видеть театр «Булгаковской Москвы»! Он открыт для всех!

Ирина Торпенко

К читателю

...Люди выбирают разные пути. Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тщеславия, другой ползет по тропе унижительной лести, иные пробираются по дороге лицемерия и обмана. Иду ли я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь!

Михаил Булгаков, «Дон Кихот» (пьеса по Сервантесу), действие 3, картина 6

Мне кажется, что, читая Булгакова, я понял значение его трагического и иронического искусства, родившегося из острого ощущения самых фантастических сторон русской жизни, полного изобретательности, беспощадности и благородного риска.

Вениамин Каверин

Достоверность – одна из характерных черт М. Булгакова как писателя. Например, уже после его смерти посещавшие Киев находили «Дом Турбиных» на Андреевском спуске. Это был дом, в котором раньше жила семья Булгаковых, и он описан в «Белой гвардии» с педантичной точностью. В романе «Мастер и Маргарита» жанровые и бытовые подробности московской жизни воспроизведены с абсолютной точностью, достоверностью, именно на ее почве разрастались фантастические происшествия, порожденные Воландом и его свитой...

Сергей Ермолинский

Булгаков... Михаил Афанасьевич Булгаков. Писатель, драматург, человек...

Если при упоминании этого имени на обложке или в начале книги у читателя не дрогнет сердце, не отзовется струной что-то внутри, то он может спокойно отложить в сторону эту книгу. Ведь она рассчитана в первую очередь на человека, пусть для начала немного, но подготовленного к встрече с этим выдающимся русским писателем, тем читателем, кто знает произведения Михаила Афанасьевича Булгакова, его прозу и пьесы, его литературных персонажей. Знающего и воспринимающего это положительно, одобрительно, а может, и восторженно, но в любом случае – с интересом или любопытством.

Взявший в руки эту книгу с намерением ее прочитать, пусть не рассчитывает на легкий труд. Ему придется воскресить в памяти, возможно, забытые булгаковские страницы и даже заранее их перечитать. А если мой читатель еще не знаком с творчеством Булгакова, то тоже не трагедия. Тогда ему можно и позавидовать: он впервые для себя познакомится с героями повестей, рассказов и очерков писателя, героями «Театрального романа», «Мастера и Маргариты»...

О чем эта книга? О творчестве Булгакова? О путешествии по стране его литературных героев? Об исследованиях биографических и исторических прототипов произведений? И да, и нет. Скорее всего, сплав многих признаков: ведь нам предстоит пройти по «стране» Михаила Булгакова, где без гида будет трудно. И, как знать, может, эта книга станет путеводной нитью для любознательного читателя, одной из дорог к зданию Большой Литературы.

Следует заметить, что «география» его творчества не отличается особой обширностью, и «карта» ее не испещрена многочисленными надписями и знаками. Но едва ли следует специально доказывать, что практически все произведения этого мастера автобиографичны и исторически достоверны. Ведь это имя – Михаил Булгаков – только в конце 60-х годов стало при-

знанным и заслужило всемирную славу. А был период, когда он был лишен того, что по праву ему, как художнику, принадлежало. В большей степени он был лишен в своей жизни главного – живого и непосредственного общения с читателем, с широким зрителем. Причин такого явления было много, но главная из них та, что в условиях прошлой деформации нашего общества Булгаков не умел лукавить, приспосабливаться ни в жизни, ни в литературе. Он был на редкость цельным человеком, с большим даром предвидения и – увы, вызывал, как правило, неадекватную реакцию: каждую новую его вещь встречали подозрительно и часто видели в ней то, чего там вовсе не было. Писатель стал объектом огульной ругани и травли.

Булгаков в течение всей своей жизни последовательно отстаивал принципы русской классической литературы, следуя заветам Пушкина, Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого – любимых и почитаемых им писателей. Он полагал, что современная литература не может успешно развиваться без усвоения всего лучшего, что было накоплено за многие годы великой русской литературой.

Булгаков писал лишь о том, что его волновало, что хорошо знал, глубоко и всесторонне изучил. Конъюнктурные моменты творчества были ему глубоко чужды. Он имел свою точку зрения на происходящие в стране процессы, которая часто не совпадала с официальной. Писатель и гражданин был убежден, что ведущую роль в развитии страны должна играть интеллигенция, и был ревностным приверженцем «излюбленной и Великой Эволюции». Он был классическим представителем той части интеллигенции, которая, не покинув страну в трудные годы, стремилась сохранить свои «родовые признаки» и в новых условиях. Булгаков прекрасно понимал, что его творческие и жизненные установки, реализованные в художественных произведениях, встретят жестокий отпор. А это предвещало и являло существование в условиях почти враждебного окружения.

«Я хотел служить народу... за что меня жали... я никому не делал зла...» – сказал Булгаков незадолго до смерти. А через пять дней после его кончины (10 марта 1940 года) руководитель писательского союза А. А. Фадеев так написал его вдове Елене Сергеевне: «...мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный, с ним, даже с тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что его путь был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного. Хуже было бы, если бы он фальшивил»¹.

«Рукописи не горят», – заявляет герой «Мастера и Маргариты». Судьба произведений Булгакова подтвердила это неожиданное предсказание. И если при жизни писателя вряд ли кому бы в голову пришло назвать его «классиком», то на глазах нашего, особенно молодого поколения, выросла и укоренилась во времени слава Михаила Булгакова. Он дорог людям как писатель и интересен как человек, воплотивший в своей судьбе достоинство и мужество художника.

Жизнь прозаика и драматурга в разных географических точках страны и события этой жизни в полной мере отразились и в его творчестве. Киев – это «Белая гвардия», «Дни Турбиных», рассказы, очерк «Киев-город»; врачебная деятельность на Смоленщине – «Записки юного врача»; Владикавказ – «Записки на манжетах», фельетоны, пьеса «Сыновья муллы»; наконец, Москва, вдохновившая на создание целого цикла очерков, рассказов, повестей, пьес («Зойкина квартира», «Багровый остров», «Блаженство», «Иван Васильевич») и романов («Записки покойника», «Мастер и Маргарита»).

Нельзя сказать, что метод историко-топографического отражения жизни в творчестве был впервые применен именно Булгаковым. Этому предшествовал богатый литературный

¹ Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 501.

опыт, использующий важнейшую закономерность – пространственную определенность художественного вымысла. Причем вымысел этот может быть самый фантастический, самый невероятный, но, как правило, действия происходят как бы на реальной «сцене», на реальных своего рода «подмостках», то есть любая настоящая литература имеет свою «сцену», свой, пусть минимальный порой, топографический фон. Как в «волшебном фонаре», на него проецируют, на нем возникают образы. Творчество – это «волшебный фонарь», и образы, порожденные воображением художника, писателя, так же точно проецируются на «экране» конкретных мест, конкретных адресов.

Тому множество примеров, позволяющих по-настоящему понять почти «священный культ точности» в мировой литературной классике, включая русскую классику. Чем талантливее писатель, тем он более точно относится к фактам, в том числе географического и топографического порядка, иной раз, правда, сознательно «зашифровывая» тот или иной адрес.

Топографическая конкретность, пространственная точность – обязательное условие реалистической литературы, одна из ее граней. Нельзя описывать кого-то и что-то, неведомо где живущего и неведомо где происходящее, то есть без представления, где разворачивается действие тех или иных литературных произведений.

Это характерно для каждой книги, для каждого автора. Истоком литературной топографии следует, видимо, считать классическую «Бедную Лизу» Карамзина, а перспектива ее бесконечна. Мир книги, мир автора-писателя реален и в то же время не материален. Герои, которые обитают вокруг нас, живут, пока мы думаем о них, вспоминаем о них, переживаем события книги вместе с ними. Ведь глубокое, а не поверхностное чтение – это процесс сопереживания, когда мы делаем в общем то же, что делал автор: представляем себе героев в той среде, где они обитают по воле автора. Так формируется мир поэтической географии, постепенно вырабатываются определенные методы исследования, закономерности соотношений географического и поэтического материалов. При этом биография автора, интересная биография интересного автора – это есть еще и творчество. И биография, как питающий фундамент, – первый его этап. Можно многое расшифровать в литературе, если исследователь достаточно хорошо знает биографию писателя, ибо писатель, творец, в большинстве случаев ведет своих героев по собственной судьбе.

«Писатели часто высматривают, выбирают место действия своих произведений, словно любящие, заботливые родители, ищущие жилище для выношенных, но еще не рожденных детей, – пишет один из основоположников московской литературной топографии журналист А. А. Шамаро. – Вслед за карамзинской Лизой – другой классический пример – Достоевский. Долгими часами бродил он по петербургским кварталам, примыкавшим к изломанной полосе бывшего Екатерининского канала, подсчитывал даже число шагов по тротуарам и число ступеней на лестницах в облюбованных им домах»².

И уже потом исследователи, литературоведы-топографы обнаруживали на страницах «Бедных людей», «Преступления и наказания», «Идиота» результаты его прогулок, как находили топографические детали книг писателя уже на современных улицах и в переулках. «А жители таких улиц и переулков и не подозревали, что писатели, проходя под окнами их домов, действовали как настоящие экспроприаторы: не спрашивая ни у кого разрешения, просто „захватывали“ эти дома для своих героев»³.

К таким писателям принадлежит и Михаил Булгаков. Он разделял эти традиции «священного литературного культа», и почти во всех своих произведениях, не исключая и пьесы, так изображал события, что можно было узнать, догадаться, определить литературную топографию описываемого. Особой заботой автора являлась точность в колорите времени и места.

² Шамаро А. Действие происходит в Москве. М.: Московский рабочий, 1979. С. 8–9.

³ Шамаро А. Действие происходит в Москве. М.: Московский рабочий, 1979. С. 9.

Рассказывая о героях и событиях, Булгаков поселял персонажи в тех местах, которые прекрасно знал, где жил и работал сам, его родственники, его друзья, а бывало, и враги. Эти места «прописки» либо всегда точно узнаваемы в фактических адресах, либо слегка зашифрованы или неуловимо изменены, перенесены, слиты друг с другом в причудливых сочетаниях.

Мы сделаем попытку побывать в самом большом районе этой «булгаковской страны», используя знание биографии писателя, его творчества и читательское воображение. Нам предстоит провести время, – не выезжая из Москвы, – в главном городе булгаковской литературной топографии.

Булгаковская Москва... Ее описание, по выражению писателя, критика и литературоведа В. Я. Лакшина, впервые применившего это словосочетание, «в точности и колорите места было особой заботой автора»⁴. И это не случайно. К тому времени у Булгакова сложился уже в этом достаточный опыт. Его семь рассказов цикла «Записки юного врача» переносят нас в дореволюционное провинциальное захолустье, в село Никольское на Смоленщине и Вязьму. Здесь в 1916–1918 годах работал земским врачом сам автор. Рассказы «В ночь на 3-е число», «Я убил», роман «Белая гвардия» автобиографически отражают «смутное время» в Киеве, где он жил в 1918–1919 годах.

Наброски «Дань восхищения» и «Необыкновенные приключения доктора», рассказы «Налет», «Красная корона», «Китайская история», пьеса «Сыновья муллы» рассказывают о революционных событиях и Гражданской войне на Украине и Северном Кавказе: будущий романист и здесь был в гуще событий. В конце 1919 года судьба привела его во Владикавказ, где он «бросил звание лекаря с отличием и писал». Фельетоны Булгакова на местном материале (например «Неделя просвещения») «шли во многих кавказских газетах», а в рассказе «Богема» и повести «Записки на манжетах» в персонажах легко узнаваемы реальные люди и места тогдашнего Владикавказа, а потом и Москвы.

Вся последующая жизнь и творчество Булгакова были связаны с Москвой, куда он приехал осенью 1921 года, приехал, «чтобы остаться в ней навсегда», тогда еще 30-летний начинающий писатель и драматург. С тех пор практически всегда (исключая названные ранее произведения, а также прозу, пьесы, сценарии и либретто на историческом материале) он избирает местом действия своих творений разных жанров нашу столицу, его перо, можно сказать, было навсегда отдано любимому городу.

И подобно А. С. Грибоедову, отразившему в бессмертной комедии «Горе от ума», как в капле воды, весь мир «грибоедовской Москвы», Булгаков, продолжатель этих традиций, в своих московских произведениях создал свою Москву – неповторимую булгаковскую...

Не будет ошибкой сказать, что широкий читатель и в нашей стране, и за ее пределами связывает имя Булгакова в большинстве случаев с его знаменитым и последним в жизни романом «Мастер и Маргарита», который он написал более полувека назад. Впервые роман опубликован в журнальном варианте только в 1966–1967 годах. С тех пор, и особенно с 1973 года, когда увидел свет полный текст этого произведения, не утихают споры вокруг него и в научных изданиях и журналах, и в читательской аудитории. Приходилось слышать даже такие запальчивые суждения, что человечество разделилось на читавших главную книгу писателя (то есть «Мастера и Маргариту») и на не читавших ее.

Не обошла своим вниманием «закатный» (выражение самого Булгакова) роман и литературная критика: счет исследованиям, статьям, обзорам, эссе идет уже на десятки. Однако, несмотря на обилие опубликованного материала, исследователи в основном обходили вопрос о литературно-топографических и историко-биографических «прообразах» произведения. Достаточно подробно, пожалуй, говорилось только о персонажах так называемых «древних глав», новозаветных героях романа в романе: Понтии Пилате, Иешуа Га-Ноцри и других.

⁴ Новый мир. 1968, № 6. С. 287.

Подробно анализированы демонологические персонажи. Наиболее интересовали исследователей, естественно, его главные герои – Мастер и Маргарита. Имена же других московских персонажей поэтому волей-неволей оставались в тени, хотя их значение для понимания романа достаточно велико.

И если не всегда пути второстепенных лиц романа пересекаются с дорогами главных его обитателей, все равно интерес вызывают комические и трагические повороты в их судьбе. Интересно узнать, что хотел сказать этим автор, были ли, и какие именно, прообразы у того или иного человека, да и не только у него. Ведь у Булгакова герои живут, чувствуют, любят, переживают, страдают, умирают не в безвоздушном, вымышленном пространстве, а в конкретной, как бы реальной обстановке.

В книге рассказывается только об основных московских адресах писателя и его героев. В путешествии по булгаковским местам нам помогут работы В. Я. Лакшина⁵, Л. Е. Белозерской⁶, А. М. Смелянского⁷, М. О. Чудаковой⁸, Л. М. Яновской⁹ и других исследователей. Московская топография писателя не могла быть также составлена без трудов краеведов А. А. Шамаро¹⁰, С. К. Романюка¹¹, Ю. А. Федосюка¹², Ф. Л. Курлата¹³, без московских энциклопедий, путеводителей и справочников разных лет, газетно-журнальной периодики.

Особую благодарность автор выражает работникам московских музеев, библиотек и архивохранилищ, группе частных лиц, помогавших в издании этой книги.

В первую очередь признательность автора – ушедшим из жизни близким друзьям писателя: Н. А. Ляминой-Ушаковой, М. А. Чемишкиан, С. А. Ермолинскому. Выражаю благодарность А. А. Клименко, З. С. Красовской, В. А. Резвину, Л. А. Шилову, Т. И. Крешковой, М. С. Бархатовой, Н. А. Краснушкиной, О. А. Каменцевой, В. А. Молодцову, И. Л. и А. Н. Житницким, М. В. Владимирскому, В. И. Рокотянскому, В. А. Осипову, М. В. Цареву, А. А. Курушину, Н. Г. Романовой, А. А. Задикяну, а также коллегам-булгаковедам за практическую помощь и замечания к публикациям глав этой книги в виде статей в периодике и в процессе работы над рукописью.

1988–1993

⁵ Лакшин В. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом // *Булгаков М. Избранная проза*. М.: Советский писатель, 1966. С. 3–44; *То же*, доп. // Лакшин В. Вторая встреча. Воспоминания и портреты. – М.: Советский писатель, 1984. С. 257–353; *Он же*. Булгакиада. М.: Правда, 1987 (Библиотека «Огонек». № 35). С. 3–4; *Он же*. Судьба Булгакова: легенда и быль // *Воспоминания о Михаиле Булгакове*. М.: Советский писатель, 1988. С. 7–37; *Он же*. Булгакиада // Лакшин В. Открытая дверь. Воспоминания и портреты. М.: Московский рабочий, 1989. С. 409–446.

⁶ Белозерская-Булгакова Л. «О, мед воспоминаний». Анн Арбор (США): Ардис, 1979; *Она же*. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1990. С. 87–191.

⁷ Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1989.

⁸ Чудакова М. Архив М. А. Булгакова // *Записки Отдела рукописей ГБЛ СССР*. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 25–151; *Она же*. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988.

⁹ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель, 1983.

¹⁰ Шамаро А. Действие происходит в Москве. – М.: Московский рабочий, 1979; *То же*. 2-е изд. – М.: Московский рабочий, 1988; *Он же*. Экскурсии и путешествия на основе произведений художественной литературы: Методические рекомендации. М.: Турист, 1978.

¹¹ Романюк С. Из истории московских переулков: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1988.

¹² Федосюк Ю. Москва в кольце Садовых: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1983.

¹³ Курлат Ф. Москва. От центра до окраин: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1989.

Глава первая

Москва 20-х годов: от «Записок на манжетах» до «Столицы в блокноте»

Наш рассказ о Булгакове, его героях и их «адресах» лучше всего начать со слов самого писателя, с его автобиографии, написанной в октябре 1924 года:

«Родился в г. Киеве в 1891 году. Учился в Киеве и в 1916 году окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием.

Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, еду в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве в 1923 году, перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра их не осталось.

В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишённые отличий. Заодно возненавидел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни.

В берлинской газете „Накануне“ в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны.

Не при свете свечи, а при тусклой электрической лампе сочинил книгу „Записки на манжетах“. Эту книгу у меня купило берлинское издательство „Накануне“, обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе. Вначале меня это очень волновало, а потом я стал равнодушен.

Напечатал ряд рассказов в журналах в Москве и Ленинграде.

Год писал роман „Белая гвардия“. Роман этот я люблю больше всех других моих вещей»¹⁴.

Москва этого времени, да и позже, в творчестве Булгакова практически насквозь автобиографична, где герой-рассказчик – то сам автор, то его тень или отражение в обычном, а подчас и кривом зеркале. И бывает трудно отличить, где кончаются жизненные реалии писателя и начинается его фантазия, выдумка, сатира, гротеск.

В прозе Булгакова есть несколько описаний въезда в Москву, куда он явился как провинциал, но вскоре стал заправским москвичом.

Вот фрагмент из рассказа «Воспоминание...», где его герой сообщает: «Был конец 1921 года. И я приехал в Москву. Самый переезд не составил для меня особенных затруднений, потому что мой багаж был совершенно компактен. Все мое имущество помещалось в ручном чемоданчике...»¹⁵

А это из «Записок на манжетах» («московская» часть): «Бездонная тьма. Лязг. Грохот. Еще катят колеса, но вот тише, тише. И стали. Конец. Самый настоящий, всем концам конец. Больше ехать некуда. Это – Москва. М-о-с-к-в-а... Качаясь, в искрах и зигзагах, на огни. От них дробятся лучи. На них ползет невидимая серая змея. Стекланный купол. Долгий, долгий

---

¹⁴ Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 94–95.

¹⁵ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 707.

звук. В глазах ослепляющий свет. Билет. Калитка. Взрыв голосов... Опять тьма. Опять луч. Тьма. Москва! Москва»¹⁶.

В очерке «Бенефис лорда Керзона» Булгаков уже декларировал: «...Москва, город громадный, город единственный, государство, в нем только и можно жить»¹⁷, а в очерке «Сорок сороков» вспоминал снова: «Панорама первая была в густой тьме, потому что въехал я в Москву ночью. Это было в конце сентября 1921 года. По гроб моей жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомиловском мосту, указывающих путь в родную столицу. Ибо, что бы ни происходило, что бы вы ни говорили, Москва – мать, Москва – родной город»¹⁸.

«Не из прекрасного далека я изучал Москву 1921–1924 годов, – писал, наконец, Булгаков в автобиографическом рассказе „Трактат о жилище“. – О, нет, я жил в ней, я истоптал ее вдоль и поперек. Я поднимался во все почти шестые этажи, в каких только помещались учреждения, а так как не было положительно ни одного 6-го этажа, в котором бы не было учреждения, то этажи знакомы мне все решительно... Где я только не был! На Мясницкой сотни раз, на Варварке – в Деловом Дворе, на Старой площади – в Центросоюзе, заезжал в Сокольники, швыряло меня и на Девичье Поле... Я писал торгово-промышленную хронику в газетку, а по ночам сочинял веселые фельетоны... а однажды... сочинил ослепительный проект световой торговой рекламы... Рассказываю я все это с единственной целью, чтобы поверили мне, что Москву 20-х годов я знаю досконально. Я обшарил ее вдоль и поперек. И намерен описать ее. Но, описывая ее, я желаю, чтобы мне верили. Если я говорю, что это так, значит, оно действительно так. На будущее время, когда в Москву начнут приезжать знатные иностранцы, у меня есть в запасе должность гида»¹⁹.

Приехав и оставшись жить в Москве, Булгаков сразу и навсегда полюбил этот город. Он остался верен этой любви до конца, а описания Москвы, сделанные им, позволяют считать его одним из самых московских литераторов.

Уже в первых своих московских очерках писатель обращал внимание на застройку и архитектуру города, на восстановление и ремонт жилищ после многих лет разрухи. В очерке «Столица в блокноте» есть главка, так и названная «Бог Ремонт», где он полушутливо пишет: «...мой любимый бог – бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году, в переднике, вымазан известкой... он и меня зацепил кистью, и до сих пор я храню след его божественного прикосновения... бог неугомонный, прекрасный – штукатур, маляр и каменщик – орудует... Московская эпитафия: – „Пою тебе, о бог Ремонта!“»²⁰ Очерк «Золотистый город» посвящен Первой сельскохозяйственной выставке 1923 года, где красочные павильоны были выстроены по проектам знаменитых архитекторов: Щусева, Мельникова, Жолтовского. А очерк «Москва 20-х годов» кончается восклицанием автора: «Москву надо отстраивать. Москва! Я вижу тебя в небоскребах!»²¹, где он предвосхищает современное высотное строительство.

Мы еще вернемся к этим очеркам подробнее.

Свои же «небоскребы» Михаил Булгаков «возвел» уже в 1924 году на страницах фантастической повести «Луч жизни» («Роковые яйца»), где сообщал, что «...в 1926 году... соединенная американо-русская компания выстроила, начав с угла Газетного переулка и Тверской, в центре Москвы, пятнадцать пятнадцатитажных домов, а на окраинах триста рабочих котте-

¹⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 682–683.

¹⁷ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 420.

¹⁸ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 413–414.

¹⁹ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 159–161.

²⁰ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 386–388.

²¹ Москва, 1981, № 9. С. 185.

джей, каждый на восемь квартир, раз и навсегда прикончив тот страшный и смешной жилищный кризис, который так терзал москвичей в годы 1919–1925»²².

Сейчас нам кажется наивной эта булгаковская мечта, но он в нее безусловно верил и в своих последующих произведениях неоднократно так или иначе возвращался к теме застройки своего города, своей Москвы.

Какой же показалась будущему писателю и его герою столица осенью 1921 года? Точнее – в конце сентября. Ответом на это может служить продолжение уже знакомых нам «московских» глав «Записок на манжетах»: «Поехали, поехали по изодранной мостовой. Все тьма. Где это? Какое место? Все равно. Безразлично. Вся Москва черна, черна, черна. Дома молчат. Сухо и холодно глядят. О-хо-хо. Церковь проплыла. Вид у нее неясный, растерянный. Ухнула во тьму...

На мосту две лампы дробят мрак. С моста опять бултыхнули во тьму. Потом фонарь. Серый забор. На нем афиша. Огромные яркие буквы. Слово. Батюшки! Что ж за слово-то? Дювлам. Что ж значит-то? Значит-то что ж?

Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского.

Воз остановился. Снимали вещи. Присел на тумбочку и, как зачарованный, уставился на слово. Ах, слово хорошо! А я, жалкий провинциал, хихикал в горах на завподиска!²³ Куда ж, к черту. Ан Москва не так страшна, как ее малютки. Мучительное желание представить себе юбиляра. Никогда его не видел, но знаю... знаю. Он лет сорока, очень маленького роста, лысенький, в очках, очень подвижной. Коротенькие подвернутые брючки. Служит. Не курит. У него большая квартира с портьерами, уплотненная присяжным поверенным, который теперь не присяжный поверенный, а комендант казенного здания. Живет в кабинете с нетопящимся камином. Любит сливочное масло, смешные стихи и порядок в кабинете. Любимый автор – Конан-Дойл. Любимая опера – „Евгений Онегин“. Сам готовит себе на примусе котлеты. Терпеть не может поверенного-коменданта и мечтает, что выселит его рано или поздно, женится и славно заживет в пяти комнатах»²⁴.

Такой кривозеркальный по отношению к В. Маяковскому выпад Булгакова с прямо противоположной портретной характеристикой не случаен. Он приехал уже заряженный, если не негативным, то весьма скептическим отношением к творчеству поэта. Тому причина – владикавказские пролеткультовцы и футуристы, вульгаризаторски отрицавшие Пушкина и противопоставлявшие ему Маяковского. И Булгаков запомнил небезопасные для него «оргвыводы» по поводу выступления в защиту Пушкина. А вечер Маяковского под таким оригинальным названием действительно был в Политехническом музее 19 сентября 1921 года. Рассказчик «Записок на манжетах» видел где-то на Арбате уже устаревшую афишу²⁵. Причем мемуаристы отмечают, что клеилась она в течение недели буква за буквой, которые печатались на отдельных листах.

Представим себе Москву, какой ее увидел тридцатилетний Булгаков. Революция и Гражданская война неузнаваемо изменили Россию, раскачали и перевернули ее. И прежде всего – город «сорока сороков». Степенный, вальяжный и хлебосольный когда-то, по-азиатски путаный город за какие-то два-три года стал совершенно иным – деловым, жестким, стянутым в пружину. Исчезла лошечная празднотающаяся публика с бульваров и Кузнецкого, закрылись железными ставнями и мешками с песком зеркальные витрины братьев Елисеевых, Мюра и

²² Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 384.

²³ Заведующий подотделом искусств.

²⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 683–684.

²⁵ Катамян В. Маяковский: Литературная хроника. М.: Советский писатель, 1956. С. 151; В. В. Маяковский. Описание документальных материалов: Сборник. Вып. 11. М.: Книга, 1965. С. 271. (Позже, когда Булгаков увидел Маяковского, как говорится, «в деле», отношение, похоже, изменилось.) О взаимоотношениях Булгакова и Маяковского см.: Петровский М. Два мастера. // Литературное обозрение, 1987, № 6. С. 30–37.

Мерилиза, опустели «Яр» и «Эрмитаж». Но на время. До первых ростков пробуждающегося нэпа, которые тут же заметит и опишет Булгаков.

Пока же он, вместе со своим героем, вышедшим из поезда на площадь Брянского (теперь Киевский) вокзала, решает вполне насущные проблемы – как устроиться в незнакомом (или почти незнакомом) городе, не затеряться в нем, попросту не умереть с голоду...

И герой «Записок на манжетах» и сам автор разрешили для себя жилищный вопрос. С помощью Н. К. Крупской Булгакову удалось получить комнату в доме, которым заправляло жилтоварищество. А до этого он некоторое время не мог найти постоянного жилья. Ночевал у киевского друга – врача Н. Л. Гладыревского в Тихомировском студенческом общежитии на Малой Пироговской улице, 18, у родственников – на улице Пречистенке, 24, и в особнячке детского сада печатников «Золотая рыбка» в Старопименовском (бывшем Воротниковском) переулке, 1.

Первое, достаточно постоянное московское жилище появилось у него в доме 10 по Большой Садовой улице. Многокомнатная беспокойная квартира 50, о которой, как и о самом доме, речь еще впереди.

Итак, осень 1921 года. Крыша над головой нашлась, с работой вроде бы повезло. Но с какой? Профессия врача была оставлена навсегда вместе со службой в белой армии, манила литература, появилось уже испытанное на юге России страстное желание писать, печататься, рассказывать о прошедших бурных событиях, которых он был участником и свидетелем. Но где, как?

Булгаков был одним из первых так называемых «южных провинциалов», приехавших «завоевывать» столицу. Пройдет всего немного времени, и здесь появятся И. Бабель, Ю. Олеша, И. Ильф, Е. Петров, К. Паустовский, В. Катаев и другие – все те, кто образовал новое поколение художественной интеллигенции советской России, заменившее ушедшее.

Мы уже знаем из начала «московской» части «Записок на манжетах», как их герой (читай – сам Булгаков) приехал в Москву. Далее рассказывается, как он устраивается на службу.

«В сущности говоря, я не знаю, почему я пересек всю Москву и направился именно в это колоссальное здание. Та бумажка, которую я бережно вывез из горного царства, могла иметь касательство ко всем шестиэтажным зданиям, а вернее, не имела никакого касательства ни к одному из них...

И я легонько стукнул в дверь...

Да я не туда попал! Лито? Плетеный дачный стул. Пустой деревянный стол. Раскрытый шкаф. Маленький столик кверху ножками в углу. И два человека. Один – высокий, очень молодой, в пенсне. Бросились в глаза его обмотки. Они были белые. В руках он держал потрескавшийся портфель и мешок. Другой – седоватый старик с живыми, чуть смеющимися глазами, был в папаше, солдатской шинели. На ней не было места без дыры, и карманы висели ключьями. Обмотки серые, и лакированные бальные туфли с бантами.

– Нет ли спичечки?

Я машинально чиркнул спичкой, а затем под ласково-вопросительным взглядом старика достал из кармана заветную бумажку. Старик наклонился над ней, а я в это время мучительно думал о том, кто бы он мог быть. Больше всего он походил на обритого Эмиля Золя.

Молодой, перегнувшись через плечо старому, тоже читал. Кончили и посмотрели на меня как-то растерянно и с уважением...

Историку литературы не забыть:

В конце 21-го года литературой в Республике занимались три человека: старик (драмы; он, конечно, оказался не Эмиль Золя, а незнакомый мне), молодой (помощник старика, тоже незнакомый – стихи) и я (ничего не писал).

Историку же: в Лито не было ни стульев, ни столов, ни чернил, ни лампочек, ни книг, ни писателей, ни читателей. Коротко: ничего не было...»²⁶.

Лито, куда устраивается и где делает первые успехи герой Булгакова вместе со своим автором, – не вымышленное учреждение. Из биографии писателя известно, что первым местом работы в Москве был Литературный отдел (сокращенно – искомое Лито) Главполитпросвета при Наркомпросе, которым руководила Н. К. Крупская²⁷.

Помещалось оно, как и весь Главполитпросвет и большая часть Наркомпроса, в громадном доме на Сретенском бульваре под № 6. Там и сейчас высится длиной в целый квартал пятиэтажное оригинальное здание, состоящее из двух разных по размеру и замкнутых по периметру корпусов. С остальных трех сторон – переулков Фролова, Юшкова (бывшего Боброва), Милютинского переулка (ранее улицы Мархлевского) оно не менее привлекательно.

Этот комплекс был построен в 1899–1902 годах для общества «Россия» – одной из крупнейших страховых компаний, которая часть своих миллионных доходов вкладывала в строительство и эксплуатацию многоквартирных, хорошо оборудованных домов. Автор проекта – архитектор Н. П. Проскурин придал зданию черты позднего итальянского ренессанса. Прекрасная решетка между корпусами сделана по рисунку О. Дессина. Знаменитый французский архитектор Ле Корбюзье считал этот дом самым красивым в Москве.

В 1909 году в доме бывал И. Е. Репин, писавший портрет жившего здесь доктора П. А. Левина. Но после революции дом был национализирован, большинство состоятельных квартирантов уехало, остальные были уплотнены, и в доме наряду с квартирами для рабочих с окраин и из подвалов появились многочисленные учреждения. После переезда Советского правительства в Москву в здании со стороны Боброва переулка находилось Главное управление Красной Армии.

В правом со стороны бульвара корпусе с 1920 по 1925 год помещался Наркомпрос, во главе которого стоял А. В. Луначарский. Кабинет его был на втором этаже. При Наркомпросе здесь находился и Главполитпросвет. Вот сюда в его Литературный отдел (Лито) и пришел осенью 1921 года Булгаков с удостоверением Владикавказского подотдела искусств. К тому времени многокомнатные квартиры дома уже были вполне приспособлены под длинные учрежденческие коридоры – соединены между собой. И герою «Записок на манжетах» это здание было положительно страшно. Все было пронизано продольными ходами, как муравейник, так что его все можно было пройти из конца в конец, не выходя на улицу.

Где же в доме находилось само Лито? Почтовый его адрес значился так: «Сретенский бульвар, 6, Юшков переулок, 6-й подъезд, квартира 65». В «Записках на манжетах» указано два адреса. Первый, куда пришел рассказчик: «Дом 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, квартира 50, комната 7», и второй, после переезда Лито, – уже во «2-м подъезде, 1-м этаже, квартире 23, комнате 40». И хотя при поисках пропавшего учреждения герой сталкивается с форменной чертовщиной (попавшей потом в повесть «Дьяволиада»), видно, что адрес фактического Лито лишь прозрачно зашифрован автором – 6-й подъезд и 50-я квартира (как и 65-я) и сейчас выходят в Юшков переулок. Но уже без литературно-просветительных организаций. Там всюду и достаточно плотно живут москвичи.

Все же числовые совпадения здесь у Булгакова не случайны, и набор цифр, составляющий этот подробный (даже нарочито подробный) адрес, не произволен. Номера этого дома со стороны Фролова и Юшкова переулков одинаковы: № 1. По переулку Милютинскому он значится под № 22. Но если считать по Сретенскому бульвару нумерацию частей дома отдельно,

²⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 685–688.

²⁷ Янгиров Р. М. А. Булгаков – секретарь Лито Главполитпросвета // М. А. Булгаков – драматург и художественная культура его времени. М.: СТД РСФСР, 1988. С. 225–245.

то больший по размеру корпус (с центральной перемышкой и двумя внутренними дворами) можно обозначить под № 4.

В этом корпусе и находилось Лито, в 65-й квартире 6-го подъезда, и, как и в повести, на 3-м этаже, а реальная квартира 50, состоящая из 10 комнат, находится в 5-м подъезде на 2-м этаже. Но эта квартира – естественно, «младшая сестра» одноименной (точнее – «однономерной») квартиры дома 302-бис на Садовой. В этом контексте рискнем предложить следующее числовое совпадение вымышленного и реального. Если сложить числа номеров дома, подъезда, этажа и квартиры в повести и в их реальных топографических прототипах, то получится по странному (а, может, и не случайному) совпадению одно и то же число. То есть: $4 + 6 + 3 + 50 = 6 + 5 + 2 + 50 = 63$! Что же представляло из себя Лито в булгаковской повести и в действительности? О впечатлениях от поиска этого учреждения в «этом колоссальном здании» мы уже немного знаем, как и о его первых, видимо, тоже новообращенных сотрудниках. Герою повести пришлось писать заявление, бегать куда-то наверх, где некто и поставил заветные слова: «Назн. секр.».

История Лито началась с 12 ноября 1920 года, когда по декрету Совнаркома для объединения всей политико-просветительной и агитационной работы страны при Народном Комиссариате по просвещению был учрежден Главный Политико-Просветительный Комитет Республики. В его структуру среди прочих входил Художественный отдел (Худо) с подчиненными ему Театральным отделом (Тео), Отделом изобразительных искусств (Изо), Музыкальным отделом (Музо), Фотокинематографическим отделом (Фото-кино) и наконец, Литературным отделом (Лито). Но и это еще не все, и поэтому можно понять эти и последующие (выросшие почти до размеров трагедии) затруднения героя повести в поисках «своего» Лито. Ведь в структуру Наркомпроса входили помимо Главполитпросвета еще и Главпрофобр, Главсоцвос (фамилия персонажа в повести «Дьяволиада» – Ян Соцвосский) и Академический центр со своими аналогичными главполитпросветовскими подразделениями.

Чем занимался Булгаков в Лито, кроме работы секретаря? Обработкой присылаемых рукописей, составлением поэтических сборников русских поэтов, сочинением лозунгов для агитпоезда Главполитпросвета в помощь голодающим Поволжья. В это время им были написаны литературные фельетоны «Муза мести», «Евгений Онегин», «Театральный Октябрь».

Время шло, но судьба Лито складывалась так, что дни его были сочтены: «...Как капитан с корабля, я сошел последним. Дела – Некрасова, „Воскресшего Алкоголика“, „Голодные сборники“, стихи, инструкции уездным Лито приказал подшить и сдать. Потушил лампу собственноручно и вышел. И немедленно с неба повалил снег. Затем дождь. Затем не снег и не дождь, а так что-то лепило в лицо со всех сторон. В дни сокращений и такой погоды Москва ужасна. Да-с, это было сокращение. В других квартирах страшного здания тоже кого-то высадили»²⁸.

Так 1 декабря 1921 года Булгаков остался без работы. Но не надолго. И, как мы знаем из его автобиографических очерков и писем, в дальнейшем заведовал отделом хроники в «Торгово-промышленном вестнике», играл в бродячем коллективе актеров, вел конференс в маленьком театре на окраине, работал заведующим издательской частью в Научно-техническом комитете при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского и, наконец, поступил на службу в газеты, сначала в «Рабочий», потом в «Гудок», стал активно печататься в берлинской газете «Накануне», в московских небольших журналах.

Был уже январь 1922 года, и у Булгакова появился его первый московский очерк «Торговый ренессанс», где описан просыпающийся от долгой спячки – разрухи – город под «живым дождем НЭПО»:

²⁸ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 699–700.

«Для того, кто видел Москву всего каких-нибудь полгода назад, теперь она неузнаваема, настолько резко успела изменить ее новая экономическая политика (НЭПО, по сокращению, уже получившему право гражданства у москвичей)...

До поздней ночи движется, покупает, продает, толчется в магазинах московский люд. Но и поздним вечером, когда стрелки на освещенных уличных часах неуклонно ползут к полуночи, когда уже закрыты все магазины, все еще живет неугомонная Тверская... ест и пьет за столиками народ, живущий в невиданном еще никогда торгово-красном Китай-городе»²⁹.

Аналогичную картину видит Булгаков, проезжая на трамвае маршрута «А» (очерк «Москва красно-каменная»):

«Жужжит „Аннушка“, звонит, трещит, качается. По Кремлевской набережной летит к Храму Христа...

Несется трамвай среди говора, гомона, гудков. В центр.

Летит мимо московской улицы. Вывеска на вывеске. В аршин. В сажень. Свежая краска бьет в глаза. И чего, чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. Цупвоз. Цустрани. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Мосдревотдел. Виноторг. Старо-Рыковский трактир. Воскрес трактир, но твердый знак потерял. Трактир „Спорт“. Театр трудящихся. Правильно. Кто трудится, тому надо отдохнуть в театре. Производитель „сандаля“. Вероятно, сандалий. Обувь женская, детская и „мальчишковая“. Врывсельпромгвну. Униторг. Мосторг и Главлесторг. Центробумтрест...

До поздней ночи улица шумит. И мальчишки – красные купцы – торгуют. К двум ползут стрелки на огненных круглых часах, а Тверская все дышит, ворочается, выкрикивает. Взвизгивают скрипки в кафе „Куку“. Но все тише, реже. Гаснут окна в переулках... Спит Москва после пестрого будня перед красным праздником.

В десять по Тверской прокатывается оглушительный марш. Мимо ослепших витрин, мимо стен, покрытых вылинявшими пятнами красных флагов, в новых гимнастерках с красными, синими, оранжевыми клапанами на груди, с красными шевронами, в шлемах один к одному, под лязг тарелок, под рев труб рота за ротой идет красная пехота.

С двухцветными эскадронными значками – разномастная кавалерия на рысях. Броневики лезут.

Вечером на бульварах толчея. Александр Сергеевич Пушкин, наклонив голову, внимательно смотрит на гудящий у его ног Тверской бульвар. О чем он думает, никому не известно... Ночью транспаранты горят. Звезды...

...И опять засыпает Москва. На огненных часах три. В тишине по всей Москве каждую четверть часа разносится таинственный нежный перезвон со старой башни, у подножия которой, не угасая всю ночь, горит лампа и стоит бессонный часовой»³⁰.

Такие строки булгаковских репортажей вряд ли требуют особых комментариев. Места известны, хотя от некоторых не осталось до нашего времени и следа. И только на старых фотографиях, в мемуарах и на ленте кинохроники можно теперь увидеть зарисовки писателя.

Такие, например, как в другом его очерке – «Столица в блокноте», где сами названия главков говорят о многоплановости увиденного Булгаковым. «Бог Ремонт» – о восстановлении жилищного фонда, «Триллионер» – о сверхбогачах, нуворишах тогдашней Москвы, «Во что обходится курение» – о борьбе с курильщиками в общественных местах, «Красная палочка» – о милицейском регулировании уличного движения и наведении порядка в городе... И заканчивается очерк так:

«Нет пагубнее заблуждения, как представить себе загадочную великую Москву 1923 года отпечатанной в одну краску...

---

²⁹ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 377. 379–380.

³⁰ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 382–386.

Москва – котел: в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться. Среди дунок и неграмотных рождается новый, пронизывающий все углы бытия, организационный скелет...

В порядке дайте нам точку опоры, и мы сдвинем шар земной»³¹.

Такой «точкой опоры» в наведении порядка Булгаков считал в первую очередь глубокий профессионализм в деле. Кто-то должен резать кроликов, проводить операции, кто-то петь в Большом театре «Аиду».

Мысль о порядке в обществе, о нормализации жизни проходит у писателя через многие московские очерки, рассказы, фельетоны. Старая жизнь кончилась безвозвратно, нужно строить жизнь новую. И вести беспощадную борьбу с преступностью, спекуляцией, мошенничеством, бесхозяйственностью, равнодушием, хулиганством.

Об этом очерки «Комаровское дело» (суд над убийцей-извозчиком) и «Под стеклянным небом» (спекулянты в торговых рядах), фельетоны «Похождения Чичикова», «Три вида свинства», «Бурнаковский племянник», «Четыре портрета», «Спиритический сеанс», «Самогонное озеро». Полушутливые бытовые сатирические зарисовки: «Шансон д'Эте», «Псалом», «День нашей жизни», «Площадь на колесах», «Чаша жизни», «Воспаление мозгов», «Обмен вещами», «Путевые заметки», «Угрызаемый хвост», «Бубновая история», «Таракан» и другие.

Не как зритель, а как непосредственный участник событий – Булгаков в манифестациях и праздниках молодой советской власти: очерки «Бенефис лорда Керзона», «Присяга на площади Революции», «В театре Зимина», «Ноября 7-го дня», «Трудовой праздник на заводе „Динамо“», «Рабочий город – сад», «Знаменосцы грядущих боев», «На Красной площади».

В репортаже «Бенефис лорда Керзона» показана впечатляющая и гневная демонстрация – сопротивление угрозам английского империализма:

«В два часа дня Тверскую уже нельзя было пересечь. Непрерывным потоком, сколько хватал глаз, катилась медленно людская лента, а над ней шел лес плакатов и знамен. Масса старых знакомых, октябрьских и майских, но среди них мельком новые, с изумительной быстротой изготовленные, с надписями, весьма многозначительными. Проплыл черный траурный плакат: „Убийство Воровского – смертный час европейской буржуазии“. Потом красный: „Не шутите с огнем, господин Керзон. Порох держим сухим“...

Мальчуган на грузовике трубил в огромную картонную трубу. Публика с тротуаров задирала головы. Над Москвой медленно плыл на восток желтый воздушный шар. На нем была отчетливо видна часть знакомой надписи: „...всех стран соеди...“

Из корзины пилоты выбрасывали листы ленточек, и они, ныряя и чернея на голубом фоне, тихо падали в Москву»³².

И в эти же годы начинающий журналист и драматург живо интересуется историей Москвы и Подмосковья, пишет серию художественных рассказов или маленьких повестей. Среди них два: «№ 13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна» и «Ханский огонь», объединенные одной мыслью – борьбы старого, отживающего мира с родившимся новым, борьбы непростой и порой трагической. Эти рассказы продолжают в идейном плане его новеллы – очерки о Гражданской войне, такие, как «Грядущие перспективы», «Дань восхищения», «Красная корона», «Налет», «Необыкновенные приключения доктора».

Рассказ о доме Эльпит носит автобиографический характер. Уже известный нам дом на Большой Садовой улице, ставший первым московским жилищем Булгакова, – «герой» произведения, где его бывший владелец, табачный фабрикант Илья Давыдович Пигит превратился в Адольфа Иосифовича Эльпита, его управляющий караим Сакизчи в Бориса Самойловича

³¹ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 399–400.

³² Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 421, 423.

Христи, «гениальнейшего из московских управляющих, матово-черного дельца в фуражке с лакированным козырьком...» Впрочем, предоставим слово самому автору.

«Так было. Каждый вечер мышасто-серая пятиэтажная громада загоралась ста семьюдесятью окнами на асфальтированный двор с каменной девушкой у фонтана. И зеленоликая, немая, обнаженная, с кувшином на плече, все лето гляделась томно в кругло-бездонное зеркало. Зимой же снежный венец ложился на взбитые каменные волосы. На гигантском гладком полукруге у подъездов ежевечерне клокотали и содрогались машины, на кончиках оглоблей лихачей сияли фонарики-сударики. Ах, до чего был известный дом. Шикарный дом Эльпит...

Большое было время... И ничего не стало. Страшно жить, когда падают царства. И самая память стала угасать. Да было ли это, господа?.. Генерал от кавалерии!.. Слово какое! Да... А вещи остались. Вывезти никому не дали. Эльпит сам ушел, в чем был.

Вот тогда у ворот, рядом с фонарем (огненный „№ 13“), прилипла белая таблица и странная надпись на ней: „Рабкоммуна“. Во всех 75 квартирах оказался невиданный люд. Пианино умолкли, но граммофоны были живы и часто пели зловещими голосами. Поперек гостиных протянулись веревки, а на них сырое белье. Примусы шипели по-змеиному, и днем, и ночью плыл по лестницам щиплющий чад. Из всех кронштейнов лампы исчезли, и наступал ежевечерно мрак...

Но было чудо: Эльпит-Рабкоммуна топили. Дело в том, что в полуподвальной квартире, в двух комнатах, остался... Христи.

Да-с, Христи был человек. Мучил он правление до тех пор, пока не выделило из своей среды Нилушкина Егора, с титулом „санитарный наблюдающий“. Нилушкин Егор два раза в неделю обходил все 75 квартир. Грохотал кулаками в запертые двери, а в незапертые входил без церемонии, хоть будь тут голые бабы, подлезал под сырыми подштанниками и кричал сипло и страшно:

– Которые тут гадют, всех в двадцать четыре часа!

И с уличенных брал дань»³³.

И этот дом сгорел. Не помогли старания Христи и предупреждения Егора Нилушкина, в котором узнают домкомовца Никитушкина, личность скорее комическую, чем грозную. Егор погибает во время грандиозного пожара, который случился в эльпитовском доме. Виновница – некая Пыляева Аннушка, бич дома из комнаты 5 квартиры 50, то есть реальная соседка автора. Эта «Аннушка с Садовой» вопреки строжайшим запретам Христи топила буржуйку выломанным паркетом, тяга шла в обитую войлоком вентиляцию, а рядом в студии были бидоны с бензином... И пошло-поехало.

«Родословная» Аннушки восходит к реальной женщине из 34-й квартиры, вечно разбивавшей посуду по причине своего кривоглазия. В рассказе «Самогонное озеро» Аннушка живет в квартире (или коридоре, как иногда называет ее автор) 50, она же возникает уже в 48-й квартире (этажом ниже) в «Мастере и Маргарите» и где-то мимоходом в «Театральном романе». А в этом рассказе она едва спасается от устроенного ею пожара.

Так сгорел дотла знаменитый дом Эльпита, но в реальности дом на Большой Садовой цел и невредим.

Аналогичную судьбу уготовил Булгаков другому дому, даже целой «усадьбе-музею „Ханская ставка“», описанному в следующем рассказе – «Ханский огонь», «где-то под Москвой, куда можно добраться дачным поездом».

Даются и другие ориентиры: деревня Орешнево, красноармейские лагеря недалеко и роскошный дворец чуть ли не растреллиевской постройки, где находятся портреты бывших владельцев усадьбы князей Тугай-Бег-Ордынских, портреты лиц царской фамилии. Все это рассматривают приехавшие из Москвы:

³³ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 127–130.

«Вечерний свет, смягченный тонкими белыми шторами, сочился наверху через большие стекла за колоннами. На верхней площадке экскурсанты, повернувшись, увидели пройденный провал лестницы и балюстраду с белыми статуями и белые простенки с черными полотнами портретов и резную люстру, грозящую с тонкой нити сорваться в провал. Высоко, улетающая куда-то, вились и розовели амуры...

Пошли дальше. Свет последней зари падал сквозь сетку плюща, затянувшего стеклянную дверь на террасу с белыми вазами. Шесть белых колонн с резными листьями наверху поддерживали хоры, на которых когда-то блестели трубы музыкантов. Колонны возносились радостно и целомудренно, золоченые легонькие стулья чинно стояли под стенами. Темные гроздья кенкетов глядели со стен и точно вчера потушенные были в них обгоревшие белые свечи. Амуры вились и заплетались в гирляндах, танцевала обнаженная женщина в нежных облаках. Под ногами разбегался скользкий шашечный паркет...

Шли через курительные, затканые сплошь текинскими коврами, с кальянами, с тахтами, с коллекциями чубуков на стройках, через малые гостиные с бледно-зелеными гобеленами с карсельскими старыми лампами. Шли через боскетную, где до сих пор не зачали пальмовые ветви, через игральную зеленую, где в стеклянных шкафах золотился и голубел фаянс и сакс»³⁴.

Исследователи творчества Булгакова однозначно определили адрес этой усадьбы – подмосковный дом-дворец князей Юсуповых Архангельское, расположенный к западу от столицы, в нескольких километрах от станций Павшино и Красногорска Рижского направления железной дороги. Но писатель обобщил многие детали в описании усадьбы и связанных с ней событий, превратил в символ красивого, но мертвого музейного быта. Здесь проглядываются черты шереметевских дворцов – усадеб в Останкине, Кускове, дома в селе Высоком на Смоленщине, что попал в повесть «Роковые яйца», помещицкой усадьбы в Муравишниках.

Главный же «прототип» – музей-усадьба Архангельское, памятник русской культуры конца XVIII – начала XIX века, в который вложено много труда крепостных умельцев. Ансамбль усадьбы составляют дворец, два флигеля, театр и парк. Усадьба известна с XVI века, но начинает усиленно обстраиваться и украшаться с начала XVIII века, сначала князем Д. М. Голицыным, а затем князем Н. Б. Юсуповым, ведущим свое происхождение от ордынских ханов (отсюда и фраза в рассказе: «Отливая глянцем, чернея трещинами, выписанный старательной кистью живописца XVIII века по неверным преданиям и легендам, сидел в тьме гаснущего от времени полотна раскосый, черный и хищный, в мурмолке с цветными камнями, с самоцветной рукоятью сабли родоначальник-повелитель Малой Орды, Хан Тугай»³⁵).

Усадьба строилась около 40 лет, создана по проекту французского архитектора де Герна. Проект, воплощаясь в жизнь, корректировался и дополнялся русскими крепостными мастерами. Здесь работали знаменитые архитекторы Е. Д. Тюрин, С. П. Мельников, О. И. Бове, И. Д. Жуков, итальянский декоратор П. Г. Гонзаго. Дворец построен в классическом стиле. В усадьбе собраны картины знаменитых художников, скульптура, хрусталь, мебель и другие художественные произведения. Усадебная библиотека насчитывала около 30 тысяч книг. Все архитектурные сооружения искусно вписаны в окружающий ландшафт.

Парк состоит из двух частей – регулярного и пейзажного, террасами спускающегося к Москве-реке и украшенного скульптурой. Пышность и красота юсуповской усадьбы постоянно привлекали внимание современников. Здесь бывали А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и многие другие видные деятели русской культуры³⁶

³⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 311–315.

³⁵ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 323.

³⁶ Все Подмосковье: Географический словарь Московской области. М.: Мысль, 1967. С. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания